

УДК 316

Природа российской коррупции с позиций теории социального научения**Комлев Ю.Ю.**

Доктор социологических наук, профессор, начальник кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

Представлены феноменология, масштаб и специфика коррупции в современной России. Описаны интерпретация и меры противодействия коррупции в методологических рамках теории социального научения.

Ключевые слова: девиантное поведение, коррупция, дифференциальная ассоциация, социальное научение, дифференциальное усиление.

Образ России прочно ассоциируется с тотальной коррумпированностью всех, особенно высших эшелонов власти. Коррупционные скандалы в Минобороны (дело «Оборонсервиса»), таможенном ведомстве, в Минсельхозе, Минрегионразвития, Минздравсоцразвития (многочисленные дела о растратах), в связи с крупными хищениями в «Российских космических системах» при реализации проекта ГЛОНАСС, при подготовке саммита АТЭС достигли в последнее время небывалых масштабов и широкой общественной огласки [1-3]. Многие российские коррупционеры-компрадоры выводят свои капиталы из страны и бегут на Запад, пользуясь услугами теневого банкинга, что наносит огромный урон федеральному бюджету и национальной безопасности России.

Дела о коррупции сотрясают и правоохранительные органы. Это – нашумевшая история с «крышеванием» игорного бизнеса подмосковными прокурорами и расследования коррупционных схем в тыловом блоке МВД России в связи с реформой ведомства и др. [4]. По данным российских исследователей, коррупция и неформальная занятость на рынке сотрудников ОВД получили широкое распространение: от простых подработок до «крышевания» бизнеса и осуществления инвестиционной деятельности. Причем в занятость такого рода вовлечены не только «нижние чины», но и сотрудники более высоких рангов, имеющие относительно высокие доходы. Масштаб этой деятельности стремительно вырос в 2000-е гг.: примерно от 3 млрд. долл. США в год до 30 млрд. долл. [5].

Не менее скандальные коррупционные преступления имеют место в региональных и местных

структурах власти (в Москве, Санкт-Петербурге, на Дальнем Востоке, в республиках Кавказа и Поволжья, на юге России). Так, характерным примером коррупции в коммунальном хозяйстве является хищение около 100 млн. долл. в результате реализации коррупционной схемы при поставке некачественных труб для отопительной системы Санкт-Петербурга [6]. Общество постоянно возмущают коррупционные скандалы и состояние дел в дорожной отрасли. Широко известно Новгородское «дорожное дело» по факту хищения 150 млн. руб. бюджетных средств преступной группой во главе с первым вице-губернатором области [7]. Факты казнокрадства в системе ЖКХ, отопления, водоснабжения, дорожного ремонта и строительства систематически всплывают в российских городах и регионах.

Руководством страны подобным инцидентам дается принципиальная оценка. Неслучайно, Президент России высказался о резонансных коррупционных делах среди чиновников вполне определенно: «Мы пойдем до конца, невзирая на лица, и в рамках закона» [8]. Более того, Владимир Путин подписал указы, направленные на ужесточение контроля за доходами, расходами и имуществом госслужащих. В частности, чиновники должны будут отчитываться о крупных покупках, предоставлять сведения об источниках получения средств, за счет которых совершены крупные сделки, а также указывать в ежегодных декларациях сведения о счетах и недвижимости за рубежом [9]. Тем самым власти пытаются усилить зависимость и подконтрольность чиновников, в том числе через угрозу санкций. В ап-

парате управления заговорили о «долговременной войне» с коррупцией. Примечательно, что обороты антикоррупционной кампании, криминальные истории «раскручивают» в СМИ не столько журналисты и оппозиционные блогеры, сколько структуры государства, конкурирующие группы и кланы российского политического класса.

Между тем коррупция и вопросы контроля над ней – не новые проблемы в российском обществе. Как известно, взяточничество широко распространяется на Руси после утверждения института «кормления» воевод. Наместники князей отправлялись служить в провинцию без денежного содержания. Подвластное население было обязано их «кормить». Кормление затем превратилось в лихоимство или подкуп за действия, нарушающие закон, и мздоимство – подкуп за действия без нарушения законодательства. Коррупция и воровство стали в стране массовым злом. Неслучайно, более 200 лет назад историк Н.М. Карамзин, оценивая ситуацию в России, писал кратко – «воруют». С тех пор мало что изменилось: один коррупционный скандал сменяется другим, одна антикоррупционная кампания – другой [10].

Международная исследовательская организация Transparency International, по итогам своих последних оценок, ставит Россию по индексу коррупции на 143 место в мире из 183 [8]. Исследования «Левада-Центра» показывают, что российским органам правопорядка доверяет менее трети населения и только 20 % доверяют российским судам. 88 % опрошенных считают коррупцию главной проблемой страны [8]. Ибо все, как справедливо утверждает Я.И. Гишинский, «упирается в вопрос: кому и сколько нужно заплатить?» [11].

Впрочем, справедливости ради нужно отметить, что проблема коррупции существует во всех государствах, в том числе в странах с развитой рыночной экономикой и политической системой. Так, в конце 2011 г. опрос «Eurobarometer» выявил, что 74 % европейских респондентов считают коррупцию серьезной проблемой [12].

Исследования «Transparency International» показывают, что если в России *средние потери от коррупции в бизнесе составляют – 39 %, то в США – 30 %* [8]. Следовательно, у Запада нет особого морального превосходства перед Россией в плане коррупции верхов, поскольку и там масштабы коррупции, особенно при заключении контрактов в сфере государственных заказов, весьма велики. Кроме того, многие формы коррупционного поведения за рубежом приобрели вполне легальную форму, например, система лоббирования коммерческих или политических интересов в органах власти. Вместе с тем в силу определенной культуры законопослушания, менталитета, высокого качества и уровня жизни весьма минимальна раздражающая обывате-

лей бытовая коррупция: люди там взятки клеркам не дают за услуги, которые предоставляет государство.

Российская же коррупция укоренилась по всей вертикали власти, от верхов до низов. Она процветает не только в центральных ведомствах, но и в региональных, и местных органах власти. Так, к примеру, опрос Республиканского комитета по социально-экономическому мониторингу в конце 2012 г. по проблеме коррупции в городах и районах Татарстана по представительной выборке объемом 4165 единиц наблюдения показал ряд характерных результатов. Судя по материалам исследования, годовой объем рынка коррупционных услуг в регионе, рассчитанный на основе анализа личного коррупционного опыта граждан, составляет 22 млрд. руб. Самые большие взятки берут, по мнению участников опроса, в республиканских министерствах и ведомствах, судах, военкоматах, органах местного самоуправления (муниципалитетах). Самыми коррумпированными участниками массового опроса, по понятным причинам, называют сотрудников ГИБДД, медицинских работников, преподавателей вузов. Примечательно, что, наряду со взятками, откатами, широкое распространение в регионе, как считают местные эксперты, получили распространение такие формы коррупции чиновников, как работа через свои компании: *«уже никто не рискнет брать от кого-либо просто так деньги... сейчас заключаются контракты или выполняются работы для своих ведомств через близкие структуры»* [13].

Исследования и разоблачения фактов коррупционной активности и преступности высокопоставленных российских, региональных и местных чиновников, их подручных меньшего масштаба обнажают лишь одну из вершин айсберга теневой беловоротничковой преступности [white-collar crime]. Этот термин был впервые использован Эдвином Сазерлендом в книге «Преступления белых воротничков» (1949 г.) для обозначения преступлений, совершаемых уважаемыми людьми высокого социального статуса на своем рабочем месте]. Очевидно, что львиную долю преступности белых воротничков в России составляют различные проявления коррупции, сущность которой удачно выразил Дж. Сентуриа, как *«злоупотребление публичной властью ради частной выгоды»* [цит. по: 11, с. 265].

Современная коррупция многолика. Множество форм ее проявления включает: взяточничество, фаворитизм, nepotизм, протекционизм, лоббизм, незаконное присвоение, распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов в личных целях, незаконную приватизацию, незаконную поддержку и финансирование политических структур, вымогательство, предоставление льготных кредитов, заказов, знаменитый «блат», «распил бюджета», создание чиновниками своих компаний и многое другое. Для девиантологов очевидно, что *коррупция,*

социальная суть которой состоит в продажности, – действительно, проблема номер один для российского общества и государства. И дело не столько в масштабности проявлений бытовой или низовой коррупции среди медицинских, вузовских работников или сотрудников ГИБДД, в массовых поборах населения, сколько в том, что основательно поражены коррупцией властные структуры в центре и на местах. Разумеется, «бытовых» коррупционеров, как самых типичных рядовых взяточполучателей, ни в коей мере не стоит оправдывать. Однако их коррупционные практики – скорее способ адаптации к рынку при низких зарплатах (определяемых государством) и резком падении социального престижа массовых профессий в условиях двойной аномии, по Дюркгейму и Мертону, вызванных резкой сменой парадигм общественного развития.

Гораздо более опасной для российского социума является теневая коррупция в «верхах» в связках «власть и бизнес», «власть и население», между уровнями власти, когда покупаются контракты, лояльность, «теплые места». Словом, тотальная продажность тех, кто должен показывать обществу позитивные примеры служения делу и отечеству, а не факты безнаказанного казнокрадства, растрат, кумовства, мздоимства. Массовая коррумпированность государственного аппарата порождает в обществе угнетающую социально-психологическую атмосферу, чреватую для населения стрессами, бесперспективностью, деморализацией и маргинализацией широких слоев населения, бегством из страны интеллектуалов. В органах власти и бизнес-сообществе происходит деградация менеджмента, депрофессионализация и разложение государственного аппарата. Неслучайно Россия «топчется» на месте: не может десятилетиями, имея баснословные природные богатства и даровитый трудовой народ, перейти от сырьевой экономики к экономике инновационной, преодолеть массовую бедность, тем самым снизив остроту социального неравенства и социальной несправедливости.

Не только специалистам, но и любому «профану» очевидно: рыба коррупции в стране гниет с головы, но чистят ее чаще всего с хвоста. Отсюда все усилия первых лиц государства, органов МВД и прокуратуры, Следственного комитета, ФСБ и других правоохранительных институтов в этом направлении скорее эфемерны и социально не эффективны.

Современная российская коррупция, как показывает анализ различных монографических, диссертационных источников, журнальных публикаций, институционализирована, поскольку сложились и систематически воспроизводятся роли, нормы и таксы коррупционного поведения. Она как неформальный социальный институт встроена в систему государственного управления, носит системный характер. Смена отдельных участников коррупцион-

ной системы не затрагивает ее в целом. По критическим оценкам некоторых политологов, в частности П. Салина, скандалы затихают, а коррупция остается как часть коррупционной вертикали («на место А. Сердюкова и его девиц придут представители других кланов властной элиты») [3]. Складывается впечатление, что коррумпированность, замаранность в коррупции в некотором смысле выступают как способ управления, как некая гарантия зависимой «преданности» высоко и не очень поставленных клерков. Неслучайно, еще со времен Б. Ельцина в стране идет борьба кланов, оружием которых выступают «чемоданы с компроматом», которые нужны, чтобы «окоротить» высоко поставленных чиновников и политических оппонентов. Кроме того, коррупция в стране приобрела разветвленный сетевой характер. В центре коррупционных сетей оказываются как естественные монополии, финансовые учреждения, строительство дорог, олимпийских и иных социально значимых проектов, так и региональные и федеральные органы власти, органы правопорядка, обороны и правосудия.

Очевидно, что, не подвергнув коррупцию в российских бюрократических верхах, а затем и в обществе в целом, существенной и долговременной рестрикции (ограничению), не удастся эффективно решить ни одну политическую, социальную или экономическую проблему страны [14].

Феномены беловоротничковой преступности и коррупции – предмет исследований известных зарубежных ученых. Среди них: Э. Сазерленд, Р. Мертон, Дж. Кулеман, М. Готфредсон, Г. Беккер, Т. Хирши, Дж. Сентуриа, Р. Айкерс, С. Роуз-Аккерман, С. Чибнелл, П. Саундерс и многие, многие другие [15; 16, p. 391-409].

Отечественные исследования проявлений коррупции широко представлены в рамках криминологической науки (А. Долгова, Б. Волженкин, В. Лунеев, О. Мартыненко, П. Кабанов, И. Клямкин и др.), экономической социологии (Т. Заславская, Т. Шанин, В. Радаев, Л. Косалс, Л. Тимофеев, И. Голосенко, И. Кузнецов, Г. Саттаров, С. Барсукова и др.), девиантологии (Я. Гишинский, Я. Костюковский, А. Салагаев, А. Коннов, Ю. Лагов, С. Алексеев, Ю. Комлев и др.). В науке существует большое разнообразие подходов к пониманию, объяснению феномена и причин коррупции.

Традиционная криминология описывает причинный комплекс экономической преступности и коррупции в объективных средовых детерминантах и условиях (рыночные реформы, отставание в развитии хозяйственного, уголовного, административного права, дисфункции органов правопорядка, развитие теневой экономики и легализация преступных капиталов, сбои в работе государственной машины – приватизация и криминализация власти на местном, региональном и федеральном уровнях и др.).

Антикоррупционная деятельность, в соответствии с криминологическим подходом, ориентируется прежде всего на пресечение коррупции по «факту» коррупционного деяния. Однако большинство проявлений коррупции ускользает от криминологического анализа, поскольку проявления коррупции как социального явления разнообразнее и носят исключительно латентный характер.

В социально-экономических науках, с позиций *неоклассического экономического подхода*, в рамках модели «Homo Economicus», хорошо описываются рациональные мотивы поведения коррупционера, увеличивающего свои доходы с помощью коррупционных практик. Для описания коррупционных отношений «принципал–агент» используется *неоинституциональный экономический подход*.

Экономические, рыночно ориентированные подходы к изучению коррупции рассматривают ее как форму социального обмена, а коррупционные платежи – как часть транзакционных издержек (С. Руз-Аккерман). Если бы государство занимало роль «ночного сторожа» в экономических отношениях, то коррупции было бы меньше. При сильном государственном вмешательстве и регулировании экономических процессов коррупция функциональна и выполняет роль «смазки» для ускорения принятия решений, необходимых бизнесу в целях эффективного хозяйствования.

Исследователи коррупции, в рамках *неоинституционального социологического подхода*, делают акцент на укорененность коррупционной деятельности, на то, что она включена в соответствующие социальные сети. «*Менеджерский*» подход объединяет исследования коррупции, которые изучают дефекты функционирования институтов и организаций, связанных с бюрократизмом, а также реформами [5].

Неомарксистский подход к коррупции трактует ее как основной порок капитализма – социальное явление, порождаемое современным буржуазным обществом, где все на продажу. Коррупция – продукт общества развитых товарно-денежных отношений, широко распространена в странах с развитым рынком, торгово-посредническим или финансовым капитализмом.

Социологический конструктивизм рассматривает коррупцию в рамках субъективистской перспективы анализа как социальную конструкцию, опираясь на концепцию социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Коррупция выступает как социальная конструкция тогда и только тогда, когда она осознается людьми в ходе коммуникаций и обозначается в итоге как сложная, острая, сдерживающая прогресс, социальная проблема. Процесс ее конструирования включает рост числа фактов продажности (взяточничества) чиновников и должностных лиц, принимающих решения; криминализацию некоторых форм коррупционной активности.

С. Чибнелл и П. Саундерс, применив конструктивистский подход к анализу коррупции, идентифицировали ее скорее как классификацию поведения, достигнутого в результате коммуникации, нежели качество, внутренне присущее определенному типу поведения. Они продемонстрировали, как интерпретация коррупционного действия может изменяться в зависимости от специфики социального контекста и запаса знаний [17].

Этот оригинальный исследовательский подход не является универсальным, но его эвристический потенциал позволяет увидеть весьма скрытый аспект в природе современной российской коррупции: на конструирование коррупции, распространение и мотивацию коррупционных преступлений оказывают существенное влияние не только объективные социоструктурные факторы, но и социокультурные и психологические детерминанты.

В работах институционалистов убедительно раскрыты социоструктурные модели и причины коррупции, обусловленные чрезмерным вмешательством государства в экономическую жизнь общества. Однако развитые либерализм, демократия и рынок не ведут к исчезновению коррупции. Они лишь снижают уровень бытовой коррупции, усиливая коррупцию бюрократического аппарата и высших эшелонов управления государством, порождая ухищренные формы взяточничества, фаворитизма, nepотизма, протекционизма, лоббизма, предоставление преференций и льготных кредитов, выгодных контрактов.

Рискну предположить, что объяснение этой метаморфозы следует искать не только в институциональной, но и социокультурной плоскости. Одна из таких попыток сделана С. Алексеевым в его диссертационном исследовании, где доказывается, что коррупция как «социальное явление – часть культуры населения» [18]. Действительно, культура общества служит наиболее общим механизмом аккумуляции, хранения и передачи не только позитивных, одобряемых в нем способов деятельности, но и негативных – неодобряемых. Среди негативных образцов широко представлены нормы криминальной субкультуры. Очевидно, что субкультура преступной среды «подсказывает» примеры криминального поведения.

С переходом к рынку и вовлечением в предпринимательство активных представителей корпуса «красных директоров», номенклатурного слоя, «теневиков» и преступной среды в новом бизнес-сообществе широкое распространение получают нормы криминальной субкультуры, позволяющие выяснять отношения не в правовом поле, а по «понятиям» на «стрелках». В чиновничестве по принципам землячества и личной преданности, «блата» все чаще рекрутируются представители тех или иных кланов, что быстро вытесняет прежнюю номенклатурную бюрократию.

Заметим, что утверждение в ходе реформ норм рыночной культуры конкуренции в российском со-

циуме поощряет массовые установки на достижение финансового успеха. Деньги становятся высшей ценностью. В погоню за богатством устремляются не только предприимчивые дельцы, но и безнравственные чиновники. Многие из них весьма релятивно, конвенционально ориентируются на нормы служебной и деловой этики, особенно когда речь заходит о перспективе незаконного обогащения с минимальными рисками. Неслучайно американский социолог Чарльз Райт Милз описал этот феномен как «структурную безнравственность» в деловом мире [19]. В итоге эти фундаментальные социокультурные сдвиги во многом определяют формирование и распространение в аппарате управления и бизнес-сообществе *субкультуры продажности*, которая санкционирует те или иные практики коррупционного поведения [14].

Как известно, достичь высоких стандартов материального благополучия могут, увы, не все в силу структурных ограничений в рыночном обществе, где представители разных классов имеют ограниченные легальные возможности добиться успеха. Между целью, определяемой культурой конкуренции, и средствами ее достижения возникает напряжение (strain), ведущее к их рассогласованию, а следовательно, к аномии, по Р. Мертону (1938).

В условиях рыночного капитализма индивиды выбирают для себя ту или иную модель приспособления для преодоления аномии: от конформизма, при выборе одобряемой культурой цели богатства и законных средств ее достижения, до их полного неприятия (ретретизм) и даже замещения (мятеж). Неслучайно Р. Мертон пишет, что «обман, коррупция, аморальность, преступность, короче говоря, весь набор запрещенных средств, становится все более обычным», когда возникает аномическое напряжение и люди выбирают для себя девиантную адаптацию [20, с. 304].

Стрейн-теория получила дальнейшее развитие в трудах девиантологов, и в настоящее время ее модификацию чаще именуют общей теорией напряжения, которая выделяет несколько типов препятствий для достижения определяемых культурой позитивных целей (Д. Эллиот, Д. Гринберг и др.). Согласно стрейн-теории, чиновник – представитель низшего или среднего класса, как инноватор, стремясь к обогащению любой ценой, может выработать новый способ улучшения своего материального положения с помощью участия в незаконной приватизации, в предпринимательстве, в откатах, в коррупционных сделках, в бизнесе. Да, но как объяснить коррупционное поведение высокопоставленных чиновников, «белых воротничков» и элиты, которые уже достигли материального успеха и завидного социального положения?

В этом случае познавательный интерес представляют эвристические возможности дискурса вокруг теорий криминальной субкультуры (subcultural crime

theory). Сторонники субкультурных теорий, как известно, рассматривают происхождение криминальных субкультур в терминах стрейн-теории при возникновении эффекта адаптации по типу инновации. Причем систематическая реализация инновационных девиантных практик позволяет закрепить соответствующую делинквентную норму в субкультуре определенного преступного сообщества. Второй путь происхождения криминальной субкультуры состоит в искажении определенных ценностей доминирующей при капитализме конкурентной культуры, превращая их в субкультурные нормы преступной среды. Описанные алгоритмы вполне объясняют формирование как субкультуры преступности, так и субкультуры продажности в транзитивном российском обществе.

В 1939 г. Эдвин Сазерленд, изучавший преступность «белых воротничков» в США, под влиянием идей Г. Тарда сформулировал основные концепты теории дифференциальной ассоциации.

Теория Э. Сазерленда в редакции 1947 г. содержит 9 базовых положений. Их суть состоит в том, что «систематическому криминальному» поведению индивиды обучаются в процессе непосредственного, чаще неформального, общения с другими людьми, объединенными в криминальные группы или коррупционные сети. В ходе общения индивид заимствует у членов группы как технику преступления, так и специфику мотивов, стимулов, отношений. Индивид становится делинквентным из-за превалирования в преступной среде определений, благоприятных для нарушения уголовного закона над определениями, неблагоприятными для девиации. В итоге, индивид, интенсивно взаимодействующий с группой носителей криминальной субкультуры, накапливает переизбыток «дифференциальных ассоциаций» с ее негативными определениями и нормами по сравнению со «связями», которые он имеет с носителями антикриминальной культуры.

Под давлением установленных ассоциаций с криминальной субкультурой, даже при законопослушном поведении в прошлом, индивид встает на путь преступлений для удовлетворения своих материальных амбиций и потребностей.

Д. Глейзер в 1956 г. предложил процесс дифференциальной ассоциации интерпретировать с помощью концепта «дифференциальная идентификация». По его мнению, в рамках дифференциальной идентификации индивид следует криминальному поведению до тех пор, пока он идентифицирует себя с реальными или воображаемыми людьми, с чьей точки зрения, его криминальное поведение кажется допустимым. Эти люди могут быть не только представителями преступных сообществ, но и близкими друзьями, успешными в финансовом плане или в плане карьеры, либо референтными группами (кумирами). Д. Кресси в 1979 г. уточнил и переформулировал ряд положений теории Э. Сазерленда [21, с. 168-171; 22].

Теория дифференциальной ассоциации была весьма популярной в середине и конце XX в. Она успешно использовалась при объяснении как «обычной» преступности, так и преступности «белых воротничков» и элиты. Однако Сазерленд не смог ответить на вопрос, почему люди имеют те дифференциальные связи, которые у них есть. В последующем были предприняты новые шаги по развитию теории дифференциальной ассоциации, и Рональд Айкерс, к сожалению, мало известный в нашей стране девиантолог, корректируя теорию Сазерленда, создал свою теорию социального научения (*social learning theory*) [15].

Теория социального научения Р. Айкерса включает в себя все основные положения Сазерленда. Вместе с тем Айкерс детально уточняет механизмы научения преступному поведению, опираясь на разработки современных ему ученых-бихейвиористов. К понятиям «дифференциальные ассоциации» и «определения закона» им были добавлены концепты «дифференциальное усиление», «имитация» и другие положения, развивающие теорию социального научения.

Концепт «дифференциальное усиление» описывает тот факт, что девиантное поведение индивида определяется мерой влияния поощрения или наказания. Будет ли индивид удерживать себя от совершения преступления в настоящем или совершит его в будущем, зависит от прошлых, настоящих и ожидаемых в будущем поощрений и наказаний за эти его действия. Вероятность совершения или повторения деликта возрастает при поощрительном результате или реакции на него, например, такой как получение больших денег, поддержки или иных приятных ощущений. Это – *положительное усиление*. Вероятность совершения криминального действия увеличивается, если индивид может избежать нежелательной огласки или репрессивных мер. Это – *негативное усиление*. Айкерс описывает модальность ассоциации и усиления. Чем больше значение ассоциации или интенсивность усиления для девиантного поведения людей, тем выше вероятность совершения и повторения криминального действия или коррупционного акта.

Айкерс подчеркивает, что социальное научение является комплексным процессом взаимодействий индивида и преступной группы носителей криминальной субкультуры с эффектом обратной связи. Это – процесс, в ходе которого складывается баланс усвоенных негативных определений закона по образцу «он написан не для нас», имитаций моделей криминального, в частности, коррупционного поведения (взятодатель, взякополучатель) и мер дифференциального усиления (обычно негативного, когда «всегда можно отмазаться или откупиться»), что и обеспечивает в итоге устойчивое делинквентное поведение.

Как видим, предметный каркас теории социального научения Р. Айкерса образуют четыре основных концепта: «дифференциальная ассоциация»,

«определение закона», «дифференциальное усиление», «имитация». Модель процесса научения, предложенная ученым, позволяет точнее описать феноменологию коррупционного поведения индивида в случае, если он дифференцированно ассоциируется с теми, кто придерживается девиантной модели поведения, когда девиантность дифференциально усиливается гораздо больше, чем конформизм, когда его собственные определения закона благоприятствуют девиантным действиям.

Теория социального научения Р. Айкерса эмпирически верифицирована. Она широко используется современными девиантологами при изучении различных должностных преступлений белых воротничков и элиты в западных обществах.

Эмпирическое исследование отношений к взяткам и дачам взяток в среде бизнесменов США позволило установить, что предприниматели со стажем гораздо более терпимо относятся к взяткам, чем те, кому не хватает опыта в мире бизнеса. Этот факт свидетельствует, что предпринимательская практика способствует приобретению определений, нейтрализующих нормы антикоррупционного законодательства и поддерживающих взяточничество.

Заимствование от вышестоящих, старших, опытных деловых людей субкультурных норм, ориентированных на продажность или подкуп должностных лиц, начинающими или просто молодыми бизнесменами является наиболее важной детерминантой коррупционных преступлений, чем собственно личность индивидуума. Именно лидеры компаний с успешным коррупционным опытом могут своим примером быстро коррумтировать деловых партнеров и чиновников. При выборе в дилемме верность корпорации или верность закону чаще всего выбираются определения в пользу корпоративных интересов, закон же подвергается нейтрализации. При этом процесс социального научения коррупции включает не только технику негативного определения закона и его нейтрализации, но и изоляцию деловых людей путем ротации от законопослушной общественности, что делает их относительно невосприимчивыми к общественной критике и предрасположенными к определениям благоприятным к нарушению закона [19]. Дифференциальные ассоциации, формирующиеся у потенциального коррупционера с нормами и моделями девиантности в рамках делинквентной субкультуры продажности ради достижения материального успеха без оглядки на моральные и правовые ограничители, дифференциально усиливают его коррупционную активность.

Таким образом, теории делинквентной субкультуры и социального научения открывают нам один из возможных достаточно эффективных способов понимания природы и специфики коррупции в транзитивном российском обществе как вида негативного девиантного поведения. Опираясь на тео-

ретическое наследие девиантологии, можно вполне адекватно не только оценить феномены современной российской коррупции, но и выдвинуть новые меры по ее противодействию.

Российская специфика коррупции прежде всего в том, что субкультурные образцы латентного, успешного, а главное, безнаказанного казнокрадства и подкупа низам подают прежде всего верхи. Об этом свидетельствуют убедительные примеры А. Сердюкова, Е. Скрынник, Т. Голиковой, Р. Панова, Е. Васильевой и других, обеспечивающие путь к финансовому благополучию и продвижению по социальной лестнице. Они широко известны в чиновничьей среде, бизнесе, сфере криминалитета, широких общественных кругах.

В связи с изложенным, успеху антикоррупционной политики в стране могут способствовать не только меры по демократизации общества и развитию политической системы, де бюрократизации государственного управления, сокращению чиновников и чиновничьего усмотрения при регулировании хозяйственных отношений. Уместно преодоление прогибационизма и двусмысленности в нормативных источниках, регулирующих хозяйственную деятельность предпринимателей. При этом важно разрушить субкультуру продажности, существенно повысить ответственность управленческого аппарата при разрешении подведомственных вопросов. Необходимо установить зависимость служебного поведения чиновников от получения итогового социального пакета при увольнении и выходе на пенсию, реально повысить оплату труда государственных служащих при более строгом контроле их дорогостоящих расходов и приобретений, усовершенствовать систему рекрутирования, подготовки и ротации управленческих кадров. Совершенно необходимо обеспечить неукоснительное соответствие поведения чиновников деонтологическому кодексу государственной службы. И, наконец, в масс-медиа необходима активная пропаганда персоналий и управленческих практик, свидетельствующих об антикоррупционной культуре бескорыстия, преданности делу и служению отечеству.

Литература:

1. В России разгорелись коррупционные скандалы. – URL: <http://www.inopressa.ru/article/19nov2012/nytimes/corruption.html>
2. Волна коррупционных скандалов в России: эксперты говорят об обострении внутриэлитной борьбы. – URL: http://www.dp.ru/a/2012/11/13/Volna_korruptsionnih_skand/
3. Эксперты: коррупционные скандалы свидетельствуют о переделе сфер влияния в элите. – URL: <http://www.rb.ru/article/eksperty-korruptsionnye-skandaly-svidetelstvuyut-o-peredele-sfer-vliyaniya-v-elite/7052517.html>
4. Хинштейн рассказал о коррупционном скандале из-за новой формы МВД. – URL: <http://lenta.ru/news/2012/10/05/uniforms/>
5. Изюмов А.И., Косалс Я.Я. Исследования полицейской коррупции в развитых, развивающихся и трансформирующихся странах как часть проблемы изучения неформальной экономической деятельности полиции // Экономическая социология. – Т. 11. – 2010. – № 2. – URL: <http://www.eecsoc.hse.ru>
6. В российских новостях доминируют коррупционные скандалы. – URL: <http://www.inosmi.ru/russia/20121203/202913945.html>
7. В Новгороде задержан первый заместитель губернатора Арнольд Шалмуев. – URL: <http://www.1tv.ru/news/crime/230039>
8. Панов В. Жулики без границ. Почему Запад перестал реагировать на коррупционные скандалы в России. – URL: http://www.stoletie.ru/tekuschiiy_moment/zhuliki_bez_granic_676.htm
9. Путин обязал чиновников закрыть счета за границей. – URL: <http://www.nr2.ru/moskow/432171.html>
10. Лойко С. В российских новостях доминируют коррупционные скандалы. – URL: <http://www.inosmi.ru/russia/20121203/202913945.html>
11. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007. – 525 с.
12. Галеотти М. Мы слишком терпимы к коррупции на Западе. – URL: <http://www.inosmi.ru/world/20120802/195953274.html>
13. Коррупция в Татарстане: где берут больше всех? – URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/74222/>
14. Комлев Ю.Ю. Феноменология российской коррупции с позиций теории социального научения // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – № 1. – С. 4-12.
15. Akers R. Criminological Theories: Introduction and Evolution. – Los Angeles, 1997.
16. Schmalleger F. Criminology today: an integrative introduction -2nd ed. – New Jersey, 1999. – 624 p.
17. Быстрова А., Сильвестрос М. Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы. – URL: http://www.textfighter.org/raznoe/Sociolog/Article/bystrova_a_silvestros_m_fenomen_korruptsii_ne_issledovatel'skie_podhody_elektronnaya_sotsiologii.php
18. Алексеев С.В. Коррупция в переходном обществе. – URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-197032.html>
19. Conklin J.E. Criminology -4th ed. – N.Y., 1989. – 256 p.

20. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социология преступности. – М., Изд.-во: Энциклопедия. – 1996. – 360 с.
21. Комлев Ю.Ю., Сафиуллин Н.Х. Социология девиантного поведения. – Казань: КЮИ МВД России, 2006. – 222 с.
22. Сидоров Б.В. «Вирус политиканства» в российской уголовно-правовой системе // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – № 2. – С. 140-148. – № 3. – С. 201-208.

Russian Corruption from the Viewpoint of Social Learning Theory

Yu. Yu. Komlev

The Kazan Legal Institute MIA of Russia

The paper dwells on phenomenology, scale and character of corruption in modern Russia. The author describes interpretation and counteractions against corruption in the methodological framework of social learning theory.

Key words: deviant behavior, corruption, differential association, social learning, differential amplification.

